

Теоретические дискурсы и дискуссии

Куда идет качественная методология? Коллективная дискуссия

DOI: 10.19181/inter.2022.14.1.1

Ссылка для цитирования:

Здравомыслова Е. А., Ярская-Смирнова Е. Р., Омельченко Е. Л., Штейнберг И. Е. Куда идет качественная методология? Коллективная дискуссия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 1. С. 9–32. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.1>

For citation:

Zdravomyslova E. A., Yarskaya-Smirnova E. R., Omelchenko E. L., Shteynberg I. E. (2022) Where Does the Qualitative Methodology Go? Collective Discussion // *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 1. P. 9–32. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.1>

Здравомыслова Елена Андреевна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: zdrav3@yandex.ru

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: eiarskaia@hse.ru

Омельченко Елена Леонидовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: eomelchenko@hse.ru

Штейнберг Илья Ефимович

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

Качественная парадигма находится на новом витке развития. Так считает известный международный журнал FQS (Forum: Qualitative Social Research), который затеял дискуссию «Качество качественных исследований», где поднимает актуальные вопросы дальнейшего развития этого поля по типу «Куда идет качественная парадигма?».

Наш журнал, подхватив эту инициативу коллег, пригласил экспертов в этой области на страницах нашего журнала высказаться по предложенному коллегами блоку вопросов, но применительно к специфике русскоязычного сегмента этого поля.

На предложение журнала откликнулись известные лидеры этого направления — Елена Здравомыслова, Елена Ярская-Смирнова, Елена Омельченко, Илья Штейнберг. Мы публикуем их ответы на обсуждаемые вопросы.

Ключевые слова: качественная методология, критерии качества, этика исследования, система образования

Дискуссия «Качество качественных исследований»¹

Более 20 лет назад, в 2000 году, Франц Брейер, Джо Райхерц и Вольф-Майкл Рот на страницах журнала FQS начали дискуссию на тему «Качество качественных исследований». В прошлых материалах этой дискуссии обсуждался широкий круг вопросов, таких как техники сбора и анализа качественных данных, применение качественных методов в разных дисциплинарных и институциональных контекстах. С самого начала призыв внести свой вклад в этот диспут оставался неизменным, хотя академические дискуссии вокруг тематики за это время существенно изменились. Изначально поднятые вопросы (**Что такое «хорошая» (good) наука? Что такое «хорошая» социальная наука? Что такое «хорошее» качественное исследование? Каковы критерии и стандарты для подобных оценок?**) по-прежнему актуальны и будут служить базой для будущих высказываний, однако сам призыв к дальнейшему обсуждению этой тематики, возможно, требует обновления.

¹ Призыв к дискуссии “Quality of Qualitative Research” опубликован в журнале “Forum: Qualitative Social Research”. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/sections/deb/quality> (дата обращения: 20.01.2022). Текст призыва переведен на русский язык В. В. Семеновой.

В прошлом исследователи-качественники упорно боролись за принятие и признание своей работы; эта битва в значительной степени выиграна. Сегодня в большинстве социальных дисциплин *качественные* эпистемология, теория и методы успешно используются и преподаются как мейнстрим, наряду с их количественными аналогами. Большинство наших университетских коллег, студентов и администраторов полностью признали их легитимность и пользу. Хотя это и отличная новость, она не означает, что дебаты о качестве качественных исследований уже закончены и не должны продолжаться. Сегодня такие дискуссии продолжаются в рамках множественных контекстов и научных дискурсов, где качество качественного исследования понимается и используется совершенно по-разному.

1. Продолжающаяся глобализация и растущая междисциплинарность поля качественных исследований ускорили диверсификацию сложившихся рамок их использования, а также теорий, методологий и методов исследования. Мы наблюдаем много инновационных разработок, которые берут начало в «старых» качественных подходах, таких как социальный конструктивизм, символический интеракционизм, этнометодология, конверсационный анализ, феноменология, герменевтика, *ground theory* и дискурс-анализ. Но, помимо этого, сегодня многие исследователи-качественники выходят за традиционные дали опираются на гораздо более широкий теоретический канон, используя и развивая новые качественные методы, включая критические подходы, такие как феминизм, постколониализм, критическая расовая теория, политическая экономия, а также постмодернизм, постструктурализм и эпистемология, уходящая корнями в искусство. Более того, сотрудничество социальных ученых с исследователями из таких разнообразных дисциплин, как искусство, дизайн, компьютерные науки, медицина и другие науки о здоровье, привело к развитию «альтернативных» исследовательских подходов. Подобные изменения стали стартовой точкой к зарождению новых вопросов, таких как: ***Каков новый теоретический ландшафт качественных эпистемологий и методологий? Как различные национальные и культурные контексты способствуют развитию новых рамок поля качественных исследований? Как оценивается качество новых методов качественных исследований с позиций различных дисциплин и разных эпистемологических контекстов?***

2. За последние 20 лет на качественные исследования оказали влияние огромные достижения в области развития технологий и социальных медиа. Исследователи все чаще используют для сбора данных такие инструменты, как видеокамеры, смартфоны и Интернет. Широкий спектр программных пакетов сократил, но, с другой стороны, и увеличил сложности при сборе и анализе данных. Мы должны задаться новыми вопросами, например: ***Как распространение новых инструментов и технологий влияет на практику и интеллектуальную деятельность исследователей-качественников? Какие новые социальные миры и социальные отношения возникли, как их следует анализировать с точки зрения качественной парадигмы?***

3. Механизмы финансирования в области социальных наук также существенно изменились, как и институциональные структуры университетов. Помимо государственных и некоммерческих финансирующих организаций исследователи вынуждены обращаться за получением ресурсов к частным и коммерческим учреждениям, некоторые из них весьма открыты для качественных подходов, в то время как другие ставят под сомнение их полезность. Возникают новые вопросы: **Как изменения в финансировании и другие структурные изменения влияют на теорию и практику качественных исследований? Как новые финансовые и институциональные условия варьируются в зависимости от страны или региона, а также от дисциплины? Какое влияние эти изменения оказывают на выбор исследовательских тем, а также на этику и ответственность исследователя-качественника?**

4. Наконец, научные исследования все чаще подвергаются давлению со стороны политики и политиков, а также других влиятельных экспертов, которые иногда ставят под сомнение саму возможность подобных проектов и в целом враждебно относятся к научным исследованиям. В связи с этим возникают такие вопросы: **Как отвечают исследователи, использующие качественные методы и методологии, внешним вызовам относительно качества своей научной экспертизы? Как они убеждают широкую аудиторию в том, что их работа поднимает важные вопросы и может помочь найти способы их решения?**

Несмотря на давние дискуссии о качестве качественных исследований, до сих пор не достигнуто согласие относительно набора критериев, которые бы гарантировали их ценность во множестве контекстов, где они используются, критериев, подобных тем классическим канонам и стандартам, что существуют для исследователей-количественников. Мы должны расширить наше понимание того, что такое качественные исследования и как они проводятся, в то же время мы продолжаем задаваться вопросами об их «качестве». Многие проблемы и вопросы, поднятые выше, могут послужить базой для возобновления дискуссий о «качестве качественных исследований» в соответствии с текущими процессами и проблемами. Поскольку внутренние и внешние условия для качественной исследовательской практики изменились, мы надеемся, что новое взаимодействие с оригинальными проблемами привлечет новых участников, поднимет новые вопросы и приведет к новым взглядам в рамках общих дебатов о научном «качестве».

Здравомыслива Елена Андреевна

В этой opinion paper я не представляю обзора состояния дел в сфере качественных исследований в российском академическом мире. Я обращаю внимание лишь на отдельные черты, заметные мне как социологу, который много лет проводит исследования и преподает качественные методы (с коллективом коллег).

Тезис 1

Многовекторность, многоукладность качественной методологии.

Исследования отвечают на разные вопросы, опираются на различные макро-теоретические рамки, ориентированы на разные аудитории. Каждый из изводов идет своим путем. Есть разные представления о задачах социологии, об интерпретации, а также разные жанры качественной методологии. Думаю, что для дальнейшего обсуждения диверсификации может быть полезна матрица Майкла Буравого, который различает четыре типа социологических практик в зависимости от аудитории социологического знания и его цели; исследователь выделяет профессиональную, критическую, прикладную (policy-oriented) и публичную.

В рамках профессиональной социологии есть позитивисты и конструктивисты, которые задают разные вопросы и относятся к методологии КИ по-разному. Думаю, что в российском академическом мире превалирует позитивистский вариант качественной методологии (обоснованной теории и кейс-стади, в частности). Большинство исследователей ищут «правду», верят в возможность достижения «объективного знания». Доля соучастия и соавторства информанта и исследователя в производстве знания недооценивается.

При этом наблюдается **тренд на «мелководье» качественных исследований**. На глубинное изучение сегментов социальной реальности нет денег, времени и энтузиазма. Ведь такое исследование — подвижничество. Исследователи, работающие в рамках проектного формата, привыкли быстро выдергивать из интервью цитаты, подтверждающие их гипотезу (иллюстративный характер данных). Возникает иллюзия понимания изучаемого сегмента реальности. Редки исключения, которые подразумевают сочетание методов и базируются на вовлеченном наблюдении исследователя. Очень часто сделанные впопыхах исследования ценны своими данными — самими интервью или собранными нарративами. Мне представляется, самооценку данных, которые «говорят сами за себя» и сохраняют свое значение во времени, в ряде случаев превышает ценность аналитики.

Тезис 2

За последние десятилетия произошли существенные сдвиги в **институциональном обеспечении КИ**. Мы прошли путь от непризнания к легитимации своей позиции в академии. Однако отстаивать свое «право на научность» приходится постоянно. Эта необходимость ощущается потому, что граница между научным и венаучным производством данных стирается. Об этом ниже. Обратимся сначала к успехам институционализации. Во-первых, в академическом поле заметны коллективы исследователей, использующих качественную методологию и работающих в разных учреждениях (группы обычно известны по лидерам). Во-вторых, обучение качественной методологии входит в программы подготовки социологов в разных вузах, а также в форматы семинаров и исследовательских школ, проводимых в разных регионах РФ. Эти курсы пользуются растущим спросом у студентов.

В магистратуре социологического факультета Европейского университета в Санкт-Петербурге программа подготовки состоит из двух частей. Первая часть касается в основном дизайна (постановки исследовательского вопроса, входа в поле, сбора данных); вторая часть посвящена анализу данных и различным стратегиям КИ. Особое внимание уделяется этическим аспектам на разных этапах исследования: при входе в поле, сборе данных, анализе и публикации. В ЕУ внимание уделяется феминистским принципам этики полевого исследования, интересом слушателей пользуются акционистские исследования. В-третьих, регулярно выходят журналы, специализирующиеся на КИ («Лабораториум», «Интер»), в других журналах также постоянно публикуются результаты КИ. В научных публикациях и диссертациях правилом стало представление дизайна, обсуждение доступа в поле и изменяющейся позиции исследователя, подробное изложение методов анализа данных, обсуждение этических дилемм.

Следуя примеру коллег из других стран, мы переживаем **институционализацию этических регламентов исследовательской работы и обсуждаем противоречивые последствия их стандартизации**. Так, например, в течение 2021 года в правление Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС) поступило 11 заявлений на этическую экспертизу исследовательских проектов. Такой запрос со стороны учреждений и исследователей привел к формализации процедуры оценки проектов. Были разработаны «Рекомендации к подготовке заявки в этический комитет СПАС» — документ, содержащий перечень этических параметров, которые эксперты предлагают учитывать при планировании и проведении исследований. Стандартизация этической экспертизы призвана обеспечить этическую рефлексивность исследователей. При обсуждении «Рекомендаций» члены правления СПАС старались найти баланс между двумя позициями. Одни исследователи стремились учесть с максимальной полнотой и детализацией всевозможные этические аспекты исследования, руководствуясь принципом защиты информанта. Другие — напротив, предупреждали об опасностях заведомо неполной детальной стандартизации и старались сохранить автономию и свободу действий ответственного исследователя, чтобы не загонять его в жесткие рамки бумажного контроля, которые все равно не гарантируют этичности практик. Последние скептически оценивали возможности этического регулирования, подчеркивали иллюзорность, бюрократичность и разрушительные последствия этических регуляторов для исследования. Также в дискуссии социологи-качественники обратили внимание на необходимость защиты не только с/информанта, но и самого исследователя и гарантий его свободы и независимости. Этика необходима, но это скорее вопрос добросовестности и рефлексивности. В результате переговоров был принят, на мой взгляд, сбалансированный документ Рекомендаций. Таким образом, в российском сообществе также поднимаются неразрешимые, но подлежащие осмыслению дилеммы стандартизации этического контроля и ответственности исследователя.

Новые технологии позволяют записывать интервью уже даже не на цифровые магнитофоны, а на смартфоны; происходит цифровизация наблюдений,

также изменились возможности расшифровки записей (программная автоматизация). Для анализа большого объема данных принято использовать программы компьютерной обработки данных. Стратегии кейс-стади обогащаются за счет визуализации контекстов, которые также выступают объектами анализа. Сбор данных становится технически проще и комфортнее, но при этом суть аналитической работы остается прежней и определяется подготовкой и приоритетами исследователя.

Тезис 3

В современном российском контексте наблюдается **политизация производства социального знания** (особенно очевидно для некоторых сфер, например, для гендерных исследований). Политизация социологии является эффектом авторитаризма, идеологического давления, ограничения академических свобод. В ряде случаев назначенные сверху эксперты рассматривают исследования как политическую активность. Политизация сверху запускается для того, чтобы присвоить научным организациям, работающим в международном сегменте производства социального знания, чисто политические ярлыки, наподобие агента западного влияния. Исследователи сталкиваются с угрозами секьюритизации их полевой работы. В ответ, чтобы избежать стигматизации, запрета на профессиональную деятельность, происходит (само)цензурирование тематики и дизайна исследований, редуцирование исследовательской агенды качественных методов. Колониально-имперские отношения между наукой и властью вновь становятся реальностью, которую исследовательские команды переживают сообразно своему месту в поле производства знания. Снова встает известный вопрос, в свое время сформулированный Гаятри Спивак: может ли субалтерн говорить? И что он может сказать в ситуации структурного принуждения? Социологи, в том числе качественные, вновь работают в качестве «советников Чингиз-хана» (выражение Грушина). Фигуры придворного социолога, обслуживающего власть, и маргинализованного испуганного социолога-критика хорошо различимы в нашем профессиональном поле, независимо от методологии исследования. Подобный статус могут получить и исследовательские машины по производству опросов общественного мнения («Левада-Центр»¹), и исследовательские НГО, производящие знания об уязвимых группах и механизмах исключения (ЦНСИ²). Исследователи, работающие в организациях с таким статусом, крайне ограничены в возможностях проведения исследований и презентации их результатов. Статус работает как желтая звезда для евреев в Германии в условиях действия нюрнбергских законов. Но новые технологические возможности позволяют создавать сети, в рамках которых соблюдаются принципы академической свободы³.

¹ «Левада-Центр» включен в список иностранных агентов.

² ЦНСИ включен в список иностранных агентов.

³ Дубровский Д. Понимание академической свободы в российском контексте. СПб.: ЦНСИ, 2020. URL: <https://cisrus.org/wp-content/uploads/2020/11/academic-freedom.pdf> (дата обращения: 21.01.2022).

Тезис 4 (а и б)

Важно, что сегменты качественной методологии вышли за пределы чисто профессионального академического поля (профессиональной социологии, в терминах М. Буравого). Граница между академическим и внеакадемическим сбором и анализом качественных данных размывается. Созданием и деконструкцией биографических нарративов занимаются индивидуальные и коллективные акторы, не претендующие на академический статус или претендующие не только на академический статус, но и на социальный эффект. Их мотивации разнообразны и даже ортогональны — от развлекательных до гражданско-правовых (политика идентичности). Рассмотрим эффект размывания границ на двух примерах.

а) Размывание границ между научным и внеакадемическим циркулированием знаний особенно очевидно на примере **медиализации биографической работы**. Развлекательная медиализация представлена жанром биографических ток-шоу, таких, например, как ежедневная программа «Мой герой», «Линия жизни», «Белая студия» и т.п. (все это ТВ-канал «Культура»). Объектом внимания в медийных биографических проектах являются, как правило, знаменитости. Их жизнь в целом и отдельные ее фрагменты представляются как гламуризированные ролевые модели для широкой аудитории. Медиализация инструментов качественных исследований создает формат гламурной биографии, или нормативной биографии успеха. «Простые люди» реже становятся объектом внимания медиа. Медиализация биографической работы создает новые данные на наших глазах; они тиражируются в социальных сетях и живут своей жизнью; они становятся пищей для различных версий анализа дискурса и исследований нарративов. Создаются предпосылки для контрпозитивистских подходов, социального конструктивизма, где выясняется, как построены эти тексты, какой социальный смысл имеет медиализованная биографическая работа офлайн- и онлайн-форматов.

Социальные медиа также становятся сферой извлечения данных. Дигитализация влияет на качественную методологию. Цифровая этнография стала частью методического арсенала качественников. Особенно ее преимущества стали заметны в связи с ковидными сложностями исследовательской работы. В процессе пандемии многие поля схлопываются (надеемся, что временно), работа с погружением в иные миры становится невозможной, зато получают стимул развития онлайн-методологии: ZOOM-интервью, анализ презентаций в социальных сетях. При этом ограничения онлайн-исследования не всегда осмыслены.

Медиализация, на мой взгляд, приводит не только к популяризации биографической работы, но и влечет за собой девальвацию качественной методологии. Профессиональное социологическое сообщество чувствует потребность защитить собственно академическое использование интервью и биографического метода. Но в общественном сознании граница науки, профанного знания и идеологической обработки размывается.

б) Другим примером трансгрессии границ узко понимаемого академического мира являются **исследования, производимые в русле публичной социологии — для общего блага, для сообщества, для озвучивания опыта исключенных и стигматизированных групп**. Такие исследования инициируют прежде всего общественные организации гражданского общества (благотворительные и правозащитные). Они создают архивы личных документов, поднимают социальные проблемы, расследуют механизмы исключения, пишут рекомендации, выполнение которых призвано изменить отношение к уязвимым группам и улучшить их положение в обществе; эти исследования носят эмансипирующий характер. Часть таких проектов выполняется на основе акционистской методологии. Для таких проектов характерно стремление дать голос социальным меньшинствам, исключенным и стигматизированным. Подобные исследования были особенно популярны до 2012 года (до принятия закона об иностранных агентах). Одним из наиболее выразительных примеров социальных исследований в интересах гражданского общества является работа НИПЦ «Мемориал»¹, посвященная сбору информации о разных категориях жертв политических репрессий. В этом же формате выполнены социологические проекты одной из старейших благотворительных организаций «Ночлежка»², проект «Живые истории» благотворительного фонда «Старость в радость»³ и др. Такие проекты, как правило, выполняются с участием экспертов по качественной методологии, при этом используются адаптированные стратегии объективной герменевтики, устной истории, обзора жизненного пути. Гражданские инициативы вовлечены в биографическую работу в отношении социальных категорий, которые они представляют на публичной арене. Они создают архивы — коллекции личных документов, которые переводятся в цифру, сохраняются офлайн и, как правило, доступны для исследователей по запросу. В ходе такой низовой биографической работы возникают эффекты персонализации исторического нарратива или социальной проблемы, создается коллективная идентичность людей, объединенных общим опытом. Эти проекты призваны содействовать признанию замалчиваемого опыта, сохранению исторической памяти, улучшению качества жизни. Таким образом, мы видим попытки публичной социологии, ориентированной на повестку гражданского общества, сократить разрыв между исследователями и теми, кто практически работает с исключенными группами. Однако пространства для такой активности в последнее время заметно сузились.

В целом мне представляется, что инструментальное использование качественной методологии сможет обогатить поле профессиональной и критической социологии в том случае, если академические исследования обратятся к качественным данным, полученным в результате биографической работы гражданского общества, к запросам на исследования, которые идут от общества.

¹ НИПЦ «Мемориал» внесен в список иностранных агентов.

² Ночлежка. URL: <https://moscow.homeless.ru> (дата обращения: 20.12.2021).

³ Старость в радость. URL: <https://starikam.org> (дата обращения: 20.12.2021).

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна

Уже скоро 30 лет с тех пор, как в отечественной социологии разгорелись споры о приемлемости и научности качественной методологии [Батыгин, Девятко, 1994]. С тех пор многое поменялось. Крупные отечественные журналы публикуют материалы качественной «линейки», выпускается специализированный научный журнал («Интер»), изданы учебники и научные монографии, защищены диссертации по методологии и по исследованиям в различных предметных областях на основе качественных методов. Ученые-«качественники» уже не чувствуют себя избранными маргиналами, они и представляемая ими методологическая перспектива «повзрослели», обзавелись молодой порослью. Перспектива эта перестала видаться монолитной и гомогенной, у нее появилась история с разными этапами, направления, внутренняя дифференциация.

Критерии качества качественных исследований, или интерпретативные критерии (по Н. Денцину) регулярно переосмысливаются, в этом процессе качественная методология обретает собственную идентичность. В 1980-е годы в ответ на критику несоответствия позитивистским принципам «четырёх R», а именно *representativeness, reactivity, reliability, replicability* [Katz, 2015], вырабатывались приемы и принципы усиления жесткости и объективности этнографии. Затем качественники воспользовались приемом *to quoque*, найдя у количественников слабые места по тем же позитивистским критериям. Было показано, что все эти «четыре R» красиво смотрятся лишь в теории, тогда как на практике ни один количественный метод не дает абсолютно репрезентативного, надежного, воспроизводимого результата, да и от влияния на поле не свободен [Буравой, 1997]. Более того, сама концепция науки была подвергнута критике, в связи с чем главная задача качественной методологии начала восприниматься как пересмотр властных отношений между исследователем и его/ее «объектом», который теперь становился полноправным субъектом, участником и партнером социального ученого.

Битва парадигм в 1980-х завершилась победой качественников, количественные методы отступили, не выдержав атак интерпретативистов и критических теоретиков, расцвела этнография. На авансцену выдвинулись критические, феминистские, антирасистские исследования культурного капитала, властных отношений, было издано много книг, журналов, организованы конференции, созданы специализированные научные группы. Сигнализируя о конце войны, громче зазвучали голоса в пользу диалога парадигм, появился тезис об их комплементарной силе, признанный многими сторонниками микс-методологии [Denzin, 2008].

В 1990-е годы качественные исследования приобретают свои — герменевтические — критерии научности [Hammersly, 1992]. Особенности, которые раньше воспринимались как слабости, были раскрыты как достоинства, ресурсы: интересубъективность, валидность этнографии или насыщенного описания, историчность, реконструированная теория [Буравой, 1997]. Авторы предлагали разные наборы интерпретативных критериев

качества включенного наблюдения, нарративного анализа, кейс-стади: методологическая честность, проверяемость жизнью, убедительность, соответствие, связность, прагматическое применение [Riessman, 1993; Yin, 1983] и т.д. Появились идеи мультиметодических стратегий (кейс-стади), затем — микс-методологии.

Каталогизация интерпретативных критериев продолжилась в 2000-е и 2010-е гг. [Stenfors, Kajamaa, Bennett, 2020; Tong, Sainsbury, Craig, 2007; O'Brien et al., 2014; Tracy, 2010], регулярно появляются статьи в жанре «как правильно провести качественное исследование» или «как провести хорошее качественное исследование», причем если в конце XX века качественные исследования расцветали в поле образования, то сейчас не менее широко они представлены в сфере медицины. В одном из популярнейших периодических изданий — еженедельном Британском медицинском журнале в 2020 г. был опубликован такой набор интерпретативных критериев [Stenfors, Kajamaa, Bennett, 2020: 50–52]: а) достоверность — соответствие между теорией, исследовательским вопросом, стратегией отбора, объемом и способом сбора данных, анализом и результатами; б) надежность — степень, до которой исследование может быть повторено в сходных условиях; в) подтверждаемость — четкая связь между данными и результатами благодаря детальным описаниям и использованию цитат; г) возможность переноса результатов в другое место, контекст или группу; е) рефлексивность — продолжающийся процесс вовлечения и артикулирования места исследователя и контекста исследования.

В отличие от мировой социальной науки в России не так много научных площадок и авторов, и дебаты о методологии, эпистемологии, этике, о качестве качественных методов ведутся относительно редко, публикаций наперечет. Но и здесь заметны вехи на пути развития качественных исследований. Так, от разговоров о полипарадигмальности и мультиметодическом подходе мы — пусть с некоторым отставанием — перешли к обоснованию и применению смешанных методов, при этом продвигаясь в осмыслении и теоретических, и прагматических вопросов. Стратегии и практики качественных исследований расцветают и множатся не только усилиями отдельных энтузиастов и при поддержке научных грантов, но и благодаря росту заказных, в том числе маркетинговых исследований. Их институционализация происходит как в стенах научных центров и кафедр, так и в агентствах, ассоциациях, в принимаемых и применяемых там стандартах и конвенциях, причем в рыночных структурах нередко с опережением академических сестринств и братств.

В. Воронков в начале 2000-х писал, что государство склонно использовать результаты социологических исследований в своих целях, причем количественные форматы кажутся им наиболее подходящими, да и количественники более приспособлены и склонны к сотрудничеству с властями [Воронков, 2003]. Ведь именно количественные методы производят статистику, которая не позволяет понять мотивы и переживания людей, создавая артефакты, отделенные от живой изменчивой повседневности. Но сегодня те же упреки в полной мере можно адресовать и качественникам.

Как утверждает Н. Денцин, хотя после войны парадигм в 1980-х и наступило перемирие и даже сформировался диалог, но уже в конце 1990-х возникла новая реальная угроза качественной методологии [Denzin, 2008]. Речь идет о так называемом научно обоснованном исследовании (scientifically based research, SBR). Кстати, такое впечатление, что эта новая угроза как раз появилась из того сектора, который выступал, во-первых, за повышение научности качественных исследований, а во-вторых, шел в ногу с более общей тенденцией, свойственной неолиберальной логике рационализации. В России в дополнение к достигнутым методологическим консенсусам и комплементарному взаимодействию сформировался и возымел свои плоды диалог между качественниками и бюрократами из числа чиновников и менеджеров различных организаций, фондов, которые стали признавать роль качественных исследований и включать их в приемы управления. На Западе эти институционализированные структуры слились, когда неолиберализм, постпозитивизм и культура подотчетности и аудита нацелились на образование и школу. В России тоже появились и активно применяются понятия «доказательного управления образованием», «доказательной социальной политики», «доказательной инклюзии», и, хотя «научность» по умолчанию связана с объективистскими рациональными методами, для поиска свидетельств, легитимации и контроля теперь востребована и качественная методология.

При этом одни и те же ученые одновременно работают в разных «сегментах» поля качественных исследований: выполняют для «заказчика» оценку результативности социально-инженерных технологий, обдумывая пределы критической этнографии в условиях «заказной» науки; обучают новые поколения качественников основам производства качественных данных, создавая новые догмы в условиях школярской фабрики; углубляют рефлексию данных и этических вызовов, уместаясь в форматы докладов и статей; управляют своими королевствами смыслов под обложками учебников и монографий. Переставляя акценты на новые предметные области, которые уже лет тридцать-сорок назад снизили порог чувствительности аудитории и стали мейнстримом в зарубежных качественных исследованиях, провоцируют коллег на острые дебаты о роли интеллектуала и миссии науки, этике и политике интерпретации.

У нас пока что нет такого явного конфликта между «доказательными» версиями науки и качественной методологией, напротив, намечаются доброжелательные альянсы. Однако нам следует рефлексивно и превентивно отнестись к противоречиям и ограничениям, которые диктуются неолиберальной идеологией.

Вопросы «Качественные исследования для кого? Для чего и как?» побуждают нас переосмыслить не только жанровые форматы и институциональные рамки, но и сами методы, например, критерии качества партисипаторных исследований или вариантов публичной социальной науки. К чему нужно готовить новые поколения исследователей — к эффективной полевой и аналитической работе по заказам государственных или рыночных структур; к теоретизации, деконструкции и критике властных практик и идеологий;

к коллаборативным и партисипаторным этнографиям в сообществах, группах и ассоциациях? Какие жанры представления результатов наиболее востребованы гражданским обществом, властью, студентами и коллегами и как меняются эти формы в последнее время? Следует приветствовать инициативу журнала «Интер» сделать обсуждение вопроса о качестве регулярным и широким. Критерии качества — это стандарты. Это правила, отточенные процедуры, которые могут разделяться редколлегиями и редсоветами журналов, вузовскими комитетами по этике, ассоциациями исследователей. Но это продукт договоренностей, и к самим процессам институционализации кодексов и критериев также неплохо было бы применить интерпретацию, внимательно всмотреться в контексты, институты, структуры, смыслы и источники производства этнографического знания.

Омельченко Елена Леонидовна

«Не работают в полях. Совсем»¹

Инициированная журналом дискуссия важна уже тем, что позволяет обратиться к сюжетам, связанным с профессией социолога-«полевика», работающего или собирающегося работать в качественной парадигме в современных обществах в глобальном и национальном контекстах.

Можно ли назвать случайными совпадения, которые собираются в некий момент времени в одном месте? А если они не случайны, то о чем они могут говорить? За два дня до поступившего предложения включиться в обсуждение очередного поворота дискуссии о «качестве качественного исследования» я проводила аспирантский семинар, предметом обсуждения которого была статья Асперса и Корте [Aspers, Corte, 2019]. Мы с аспирантами (кстати, по их собственной инициативе) обсуждали вопросы о связи и различиях методологий качественных и количественных исследований, преимуществах и недостатках каждого из подходов, научности и критериях наличия «качества», детально разбирали предлагаемое авторами статьи определение. На следующий день в группе «Неравнодушный ученый» в одной из социальных сетей я наткнулась на горячий разговор о языке коммуникации между исследователями, преподавателями, студентами и заказчиками проектов разных уровней в рамках профессионального цеха социолога. Вечером эта дискуссия стала предметом обсуждения с магистрантами программы «Современный социальный анализ» в ходе курса «Методология социологических исследований»... Практически на следующий день от редакции журнала пришло приглашение высказаться ровно по этой же теме. Эти «совпадения» не случайны. Очевидно, что тема оказывается актуальной по многим причинам, и разговор важен не только для нас, социологов-качественников, но и для более широкой аудитории.

Для меня более значимым и профессионально важным сегодня видится не столько спор-разговор о «качестве качественного исследования», как это

¹ Из дискуссии в группе «Неравнодушный ученый» в одной из социальных сетей.

обозначено в теме дискуссии, сколько о многовекторности отечественного академического, социального и политического контекстов, в которые этот спор, а вместе с ним и реальная практика «качественных исследований», пусть и не полностью, но погружается.

Несколько слов об определении качества

Вопрос определения качества качественного исследования, бесспорно, важен. Возвращаясь к указанной выше статье [Aspers, Corte, 2019]: авторы свой мотив выбора фокуса объясняют через некий парадокс работы профессионального исследователя в этой парадигме. Мы, как они пишут, в ходе проведения исследования, а затем и представления результатов, ведем себя так, как будто знаем, что это такое, но не можем (или даже считаем ненужным) сформулировать связное определение. Получается, что исследователи владеют (или овладевают) неким разделяемым включенными участниками знанием, которое дается через саму включенность в процесс, в ходе которого они близко (что крайне важно) соприкасаются/встречаются с различиями (повторяющимися) в «других», в контакт с которыми вступают [Aspers, Corte, 2019]. Для меня этого парадокса в принципе достаточно для фиксации специфики самого процесса, и это очень близко — и интуитивно, и практически — к тому, как я понимаю «производство» качественного исследования.

Одну из проблем устойчивости или научности качественных исследований авторы видят в отсутствии некоего окончательного и достаточного определения собственно природы, сути того самого «качества» [Aspers, Corte, 2019]. Предлагаемое в результате определение фокусируется на значимости интерактивности процесса исследования, когда более продвинутое понимание исследуемого феномена достигается путем установления новых существенных различий, характерных для исследуемого объекта. Это достигается благодаря близости исследователя к акторам поля и включенности в аутентичные процессы и практики. Значимым также оказывается окончательное преодоление утратившей актуальность дихотомии качественных и количественных исследований и подчеркнутый акцент на их сущностной близости, общих принципах научности и дополнительном характере участия в выводах, относящихся к более широкому контексту исследуемого феномена.

Трудно это оспорить, но, на мой взгляд, такое результирующее масштабный анализ существующих академических дискуссий определение «качества качественного исследования» оставляет все те же вопросы. И это не случайно.

Ближе к полю

Трудно перебросить мостик от высоконаучной дискуссии к реалиям профессиональной работы социолога-качественника в современной России. Но я постараюсь в самых общих чертах и в опоре на упомянутую дискуссию, а также свой актуальный профессиональный опыт, поучаствовать в обсуждении.

В центре дискуссии оказались сюжеты, связанные, во-первых, с особенностями языка(ов) исследовательской коммуникации, как качественников, так и количественников, используемых всеми включенными актерами — другими

исследователями, заказчиками, информантами, аудиториями. Затем, что не удивительно, обозначилось обсуждение общей академической повестки в социологическом поле (глобальной и национальной), а также, конечно, поднимались вопросы, связанные с политической атмосферой и дискурсивным напряжением в отношении «закрывающихся» тем для исследования. Точкой сбора всех этих направлений стало поле — близкое, дистанцированное или отстраненное, условия и ограничения работы в разных полях и новые этические вызовы современности.

Язык исследовательской коммуникации

Качественные исследования (используемые методы, словарь референций — теоретических и эмпирических, результирующие тексты — аналитические справки, отчеты, медийная экспертиза, статьи и книги) находятся под усиливающимся давлением канцелярско-бюрократического языка. Как в открытых коллах российских фондов, так и в объявляемых тендерах госорганов на социологические исследования и даже заказах коммерческих фирм сохраняется запрос на жестко формализованный, обезличенный язык, которому больше соответствует (легче прочитывается и признается) язык цифр, таблиц, масштабных замеров. И хотя, по мнению участников дискуссий, данные качественных исследований сохраняют свой эксклюзивный статус, считаясь маркером продвинутой заказчика, но исследователям-качественникам приходится прибегать к своего рода маскировке под требуемые и ожидаемые результаты (показать масштаб, охват, возможности экстраполяции) для получения заказа. Интересно, что в дискуссию вплетается и оценка роли английского языка¹:

«Канцеляризм больше характерен для социологов с академическим бэкграундом и студентов/выпускников, которых эти “академические социологи” выучили. ... Еще было впечатление, что чем лучше ресёрчер умеет писать по-английски, тем меньше у него канцеляризм в письменной речи. То есть речевой канцеляризм возникает из привычки писать социологические/научные тексты по-русски, в агентствах с “русским” или “советским” происхождением (а эти агентства создавали советские/российские социологи обычно со слабым знанием английского)».

«Намеренное использование “научно-бюрократической” речи в отчете агентства, часто работающего с гос. органами. Так мне и сказали в неформальной беседе: “Мы это пишем для Минфина, поэтому используем научно-бюрократическую речь”».

Этот сюжет вписывается, на мой взгляд, в обсуждение современной «судьбы» качественных исследований в России. Принуждение к «правильному языку» научных исследований выхолащивает саму суть как процесса

¹ Выдержки из дискуссии в ленте «Неравнодушный ученый».

качественного исследования, так и его результатов, когда «качество» может и должно быть показано в несвойственной самой природе качественной методологии формате. Конечно, во многом преодолеть это принуждение к канцеляризмам помогают профессиональное образование и публикации результатов поисков в статьях и книгах, где авторское видение и авторский язык остается более или менее свободным, особенно на английском языке.

Расширяющаяся география сложных полей, или Что остается легитимным

В дискуссии, развернувшейся в ленте, ключевым моментом спора стал тезис, высказанный одним из участников: «не работают в полях. Совсем». Здесь я бы сфокусировалась на нескольких аспектах. Язык поля с его разнообразием и аутентичностью становится проводником в жизненные миры информантов. Полученные в ходе бесед нарративы не только наполняют багаж исследовательских находок, но и предоставляют пространство для высказывания тем, кто лишен голоса в публичной сфере, помогает им, насколько это возможно, быть услышанными. Язык поля меняет язык самого исследователя-качественника в пределах его профессиональной включенности. Насилие в отношении языка говорения и письма, все более осязаемое в нашем сегодняшнем контексте, снижает как качество качественного исследования (на всех его этапах), так и в определенном смысле ставит под вопрос саму профессиональную репутацию. Кроме того, выходить в поле стало намного сложнее, что лишь отчасти связано с ковидными обстоятельствами. Напротив, некоторые поля стали более доступны для онлайн-интервью. Более значимым для реализации научных замыслов становится нарастающее ухудшение общей политической атмосферы, закрывающей многие поля, которые и до этого были труднодоступными. Например, одно из наших исследований, посвященное опыту бывших заключенных, за два года работы стало местом чрезвычайного риска и для исследователей, и для информантов, а учитывая медийное и дискурсивное напряжение в отношении этой темы, подобное исследование выглядит крайне проблематичным. Проблемы не заканчиваются на этапе собственно полевой работы. Публикации или экспертные мнения, связанные с этой темой, могут сразу попасть в контекст политических высказываний. Стоит ли ходить в такие поля? Какова мера ответственности исследовательской структуры, центра, самих исследователей за выбор темы, безопасности как за процесс, так и за результат, включая безопасность информантов, согласившихся принять участие и рассказавших нам свою историю?

Новая этика?

И, наконец, еще один сюжет, который, мне кажется, вписывается в дискуссию. Я имею в виду широко обсуждаемую популярную повестку новой этики, нового языка, вместе с растущими запросами к профессионализации самих социологов, их этической компетентности. Близость — в разных форматах: к информантам, к различиям, к запросам и вызовам поля (в том числе и социального характера), к своей собственной включенности (субличности

исследователя), — это ключевые моменты качественного исследования. Повестка новой этики и ее новый язык с идеями «личных границ», оспариванием власти эксперта, «задающего вопросы» и владеющего сценарием общения, контролем экзотизации или нивелировки разнообразия идентичностей и историй жизни информантов, опасностью обесценивания собеседника — все это создает новые обстоятельства работы и выдвигает новые требования к профессиональной подготовке социолога (не только качественного). Крайне важными становятся компетенции в языках и словарях сообществ, которые мы исследуем, в эмоциональной стороне работы, расширении репертуара чувствительности и эмпатии, навыках владения телом и голосом. Интересно, что на занятии со студентами, сфокусированном на разборе данной дискуссии, именно эти вопросы оказались в центре внимания. Язык новой этики крайне важен и значим для студентов не только в профессиональном смысле, но и в понимании каких-то значимых для юношей и девушек ориентиров в их собственных историях.

Несмотря на сложности в поисках определения качества качественного исследования, сам творческий и профессиональный путь социолога, на мой взгляд, постоянно сопрягается с интуитивной проверкой «на дорогах» соответствия того, что мы делаем, с пониманием того, как мы это делаем. Этот опыт, близкий к искусству и творчеству, постигается сложно, а передается еще сложнее. Сколь бы точные определения мы ни формулировали на этом пути, вопрос о качестве качественного исследования останется открытым для интерпретаций.

Штейнберг Илья Ефимович

Как распространение новых инструментов и технологий влияет на практику и на интеллектуальную деятельность исследователей-качественников? Какие новые социальные миры и социальные отношения возникли и как их следует исследовать и анализировать с точки зрения качественной парадигмы?

Новые технологии и парадокс Лапьера

Новые технологии, на первый взгляд, должны помочь преодолеть парадокс Лапьера, так как появилось больше возможностей наблюдать за поведением информантов вне искусственной лаборатории опроса или интервью, а в естественной среде обитания в онлайн или офлайн. Исследователь теперь получает больше фактов для оценки конгруэнтности носителя изучаемой практики, относительно тождества и различий в том, что он говорит и делает в связи с темой исследования, когда влияние интервьюера исключено фактом его отсутствия. Это ближе к этнографическому подходу, когда исследователь вживается в повседневность своих информантов, наблюдает, делает свои выводы, а вопросы появляются тогда, когда что-то непонятно и необходимо уточнить. Даже простой смартфон в руках полевого исследователя, который

что-то в нем записывает, превращает его в глазах окружающих в обычного участника сетевых коммуникаций, является для него плащом-невидимкой. На него перестают обращать внимание, словно его там нет, он может наблюдать и слушать, не привлекая внимание целевой группы. Например, в исследовании трудовой миграции возникла проблема установления контакта с гастарбайтерами крупной стройки. Им было запрещено без ведома начальства общаться с посторонними, которые интересуются их деятельностью. Исследователи решили поселиться в хостеле, где проживали строители, чтобы наблюдать их в естественной обстановке. Однако при появлении чужака гастарбайтеры прекращали разговоры и ждали, когда чужак уйдет, или уходили сами. Но, когда в руках исследователя появлялся гаджет, в котором тот что-то писал или читал, все понимали, что он оглох и ослеп, переставали замечать его присутствие, вели свои разговоры, обсуждали разные темы работы, досуга и проч.

Анонимность и «цифровой след»

Однако и в цифровую эпоху вопросы о прошлом не изменились: так как прошлое невозможно увидеть, приходится расспрашивать о нем. Также остаются вопросы о причинах непонятного поведения, планах на будущее, о восприятии различных событий, об оценочных суждениях по интересующим исследователя темам.

Новые технологии вхождения в жизненные миры информантов ставят много новых методологических вопросов. Что, собственно, мы наблюдаем на видеорекамерах или в чатах, форумах, на сайтах? Почему мы уверены, что эта информация более достоверна, чем полученная опытным интервьюером или наблюдателем, если мы не имеем возможности уточнить смысл собранных в сетях мнений, оценок или позиций? Что стоит за анонимными или публичными лайками и комментариями? Чем анонимность аватара в сети отличается от анонимности участника опроса, как она влияет на вербальное поведение на фоне опасений оставить «цифровой след», который можно использовать против его автора?

Сама видео- и аудиозапись при онлайн-интервью из-за массовости виртуальных коммуникаций в рамках рабочих и бытовых ситуаций становится обыденным атрибутом общения интервьюера с собеседником. Но как это влияет на доверие к исследователю, остается до конца непроясненным обстоятельством, так как в ряде случаев доверительность беседы возрастает, но также есть достаточно фактов, говорящих об обратном. Например, в ряде случаев интервьюер понимает, что на собеседника влияет контекст происходящего вне поля его зрения. В помещении кто-то присутствует или заходит и выходит, появляются посторонние звуки неясного происхождения, собеседник во время разговора часто смотрит в сторону и т. п. Сам факт, что интервьюер вроде бы пришел в дом информанта, но в то же время находится далеко от него, создает новые вызовы для установления контакта и доверительной атмосферы, столь важной для глубинных интервью. Например, что может быть заменой контактных подарков, с которыми мы приходим

к информантам в соответствии с традицией «в гости с пустыми руками не ходят» или если считаем, что подарок следует рассматривать с позиции психологии дара.

Отдельно стоят вопросы физической и психологической безопасности интервьюера и респондента в качественном исследовании. Полевые интервьюеры стали отмечать, что вопрос о физической безопасности при онлайн-интервью как-то связан с безопасностью психологической, которая проявляется в увеличении числа случаев скрытой или явной вербальной агрессии, которую позволяют себе собеседники, находящиеся на расстоянии друг от друга. Здесь тоже копят интересные наблюдения и практические способы снижения негативных последствий онлайн-коммуникации.

Доверие к субъективности исследователя

Появляется много новых перспектив в объяснительных моделях, основанных на сборе больших данных. Например, отслеживание перемещений в пространстве владельцев мобильных устройств провайдерами может дать новые гипотезы относительно оценки качества дорог, сервисов, мобильности жителей различных городских и сельских локаций. Однако вопросы интерпретации этих данных возвращают нас к прежним методам сбора данных и их анализу. Точнее сказать, к главному инструменту качественного исследования — самому исследователю, его знаниям, опыту, интуиции и прочим неспецифическим способностям и навыкам. Вопрос о том, получили ли мы с новыми технологиями новые инструменты для повышения доверия и контроля над неизбежным субъективизмом исследователя-качественника, остается открытым.

С одной стороны, мы видим, что классическая схема исследования «описание социального явления, его объяснение и, по возможности, прогноз о том, что может случиться дальше», получила дополнительные инструменты в виде видеозаписей интервью в ZOOM, отслеживания активности целевой группы в сетях и т.п. Важно также не забывать о возможности оперативного виртуального общения с участниками исследования на всех этапах полевой работы, включая этап в поле. Это позволяет лучше контролировать процессы сбора и анализа данных, вовремя корректировать задачи исследования и его методы.

С другой стороны, это ставит новые задачи в подготовке исследователя-качественника. Если информационным технологиям можно обучать по известным программам, то навыки анализа большого объема разнообразной информации приводят к потребности создать селективный фильтр для быстрого отбора из информационной токсичной свалки нужных для целей и задач данных. Уже становится очевидно, что к прежним неспецифическим, универсальным навыкам, которые часто обозначают избыточно широким понятием *софт скиллз* (таким как критико-аналитическое мышление, рефлексия, социологическое воображение, наблюдательность, беспристрастность и проч.), добавляются новые, связанные с качественными изменениями в новом поколении информантов. Здесь уже недостаточно самообучения

в процессе работы или наставничества на рабочем месте. Нужны новые форматы обучения исследовательским навыкам, учитывающие особенности новых жизненных практик наших целевых групп.

Поколение информационных амфибий

Если бы у меня был перерыв в проведении интервью и фокус-групп более пятнадцати-двадцати лет, то, используя сегодня эти методы, у меня возникло бы подозрение, что ко мне на фокус-группу пришли в нарушение инструкции «ветераны» групповых интервью. Такое ощущение могло бы возникнуть от вооруженности разновозрастной аудитории неожиданно широким спектром аргументации по теме исследования, почерпнутой из участия в сетевых коммуникациях, посещения форумов, блогов и сайтов, возможности свободного выбора источника информации и комментариев в сетях киберпространства. Мне бы показалось, что их мнения и оценки выходят за предполагаемый круг общения информантов, за их жизненный опыт, даже если бы они были включены когда-то во доступные тогда СМИ. Исходя из их высказываний, мне было бы непонятно, какую социальную группу они представляют.

Но теперь ситуация иная. Можно сказать, что мы имеем дело с поколением информационных амфибий, которые могут одновременно жить в двух средах — «реальной» и «цифровой». Чем младше поколение, тем легче и комфортнее им дышится в цифровой. Туда смещаются их ценности, представления и установки, формирующие картину мира и влияющие на ответы исследователю. И неясно, как связано поведение информанта в реальной жизни с виртуальной жизнью его цифрового двойника. Соответственно, исследователю-качественнику надо стать такой же амфибией. Если это проблема возраста исследователя, то надо иметь в виду, что возрастное различие между поколениями в 20 лет уже не работает: ученики старших классов с трудом понимают учеников младших классов. Нужны новые методологические и методические подходы для учета этого феномена в исследовательских практиках.

Междисциплинарность как панацея

Междисциплинарный подход в качественных методах исследования, на первый взгляд, приобретает решающее значение. Остаться в рамках одной дисциплины воспринимается чуть ли не как анахронизм и методическая замшелость. Цифровая этнография, дизайн-мышление в разработке программы исследования, аджайл продуктового подхода в изучении клиентского опыта, бесконечные призывы к коллаборации и командной работе с включением представителей разных дисциплин иногда оказываются старой конфетой в новой обертке.

Но проблема мне видится в другом. От чего зависит, что механически собранная совокупность различных дисциплин иногда способна дать новое качество в методическом подходе, хотя в большинстве случаев так и остается иллюстрацией к притче про мудрецов, описывающих слона каждый через свою дыру в стене? Опыт использования метода «длинного стола», который

появился в проектах Теодора Шанина в начале 1990-х и получил развитие в Школе-студии исследователя-качественника, показывает один из путей решения этой задачи. Это групповая работа представителей разных дисциплин, которые решают исследовательские задачи, исходя из общего для всех ключевого исследовательского вопроса, а не из перспективы своей сферы науки. Методически целью междисциплинарного подхода является создание гибридного инструмента, например «бюджетного интервью», которому присущи как элементы бюджетного обследования семьи, так и особенности глубинного интервью. Важно понимать, что такой комбайн является компромиссным решением, так как использует только часть возможностей метода своей родовой дисциплины, но в данном случае он решает исследовательские задачи более эффективно, чем каждый метод по отдельности.

Вероятно, в своих ответах я затронул только небольшую часть методологических и методических проблем нынешнего исследователя-качественника, но нет сомнения, что все они относятся к классу нестандартных задач, где решение определенно есть, просто способы еще не найдены.

Литература

- Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
- Буравой М.* Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10–11. С. 154–176.
- Воронков В. М.* Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // Неприкосновенный запас. 2003. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/3/etot-bezumnyj-bezumnyj-bezumnyj-kolichestvennyj-mir.html> (дата обращения: 25.02.2022).
- Aspers P., Corte U.* What is Qualitative in Qualitative Research // Qualitative Sociology. 2019. № 42. P. 139–160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11133-019-9413-7>
- Denzin N. K.* The New Paradigm Dialogs and Qualitative Inquiry // International Journal of Qualitative Studies in Education. 2008. Vol. 21. № 4. P. 315–325. DOI: <https://doi.org/10.1080/09518390802136995>
- Hammersly M.* Some Reflections on Ethnography and Validity // International Journal of Qualitative Studies in Education. 1992. Vol. 5. № 3. P. 195–203. DOI: <https://doi.org/10.1080/0951839920050301>
- Katz J.* A Theory of Qualitative Methodology: The Social System of Analytic Fieldwork // Method(e)s African Review of Social Sciences Methodology. 2015. Vol. 1. № 1–2. P. 131–146. DOI: <https://doi.org/10.1080/23754745.2015.1017282>
- O'Brien B. et al.* Standards for Reporting Qualitative Research // Academic Medicine. 2014. Vol. 89. № 9. P. 1245–1251. DOI: <https://doi.org/10.1097/acm.0000000000000388>
- Riessman C. K.* Narrative Analysis. Newbury Park: SAGE, 1993.
- Stenfors T., Kajamaa A., Bennett D.* How to... Assess the Quality of Qualitative Research // The Clinical Teacher. 2020. Vol. 17. № 6. P. 596–599. DOI: <https://doi.org/10.1111/tct.13242>
- Tong A., Sainsbury P., Craig J.* Consolidated Criteria for Reporting Qualitative Research (COREQ): A 32-item Checklist for Interviews and Focus Groups // International Journal for Quality in Health Care. 2007. Vol. 19. № 6. P. 349–357. DOI: <https://doi.org/10.1093/intqhc/mzm042>
- Tracy S.* Qualitative Quality: Eight 'Big-Tent' Criteria for Excellent Qualitative Research // Qualitative Inquiry. 2010. Vol. 16. № 10. P. 837–851. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1077800410383121>
- Yin R.* Case Study Research: Design and Methods. Beverly Hills: SAGE, 1983.

Сведения об авторах:

Здравомыслова Елена Андреевна — кандидат социологических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** zdrav3@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 250505; **ORCID ID:** 0000-0001-7867-0221.

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** eiarskaia@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 74308; **ORCID ID:** 0000-0002-3139-5215; **ResearcherID:** I-5080-2015.

Омельченко Елена Леонидовна — доктор социологических наук, директор Центра молодежных исследований, профессор департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** eomelchenko@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 74361; **ORCID ID:** 0000-0002-5951-3682; **ResearcherID:** K-5885-2015.

Штейнберг Илья Ефимович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия; ведущий Школы-студии исследователя-качественника, Научно-образовательный центр, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** ilya.shteynberg@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 123852; **ORCID ID:** 0000-0003-0230-9071.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2022

Принята к публикации: 10.03.2022

Where Does the Qualitative Methodology Go? Collective Discussion

DOI: 10.19181/inter.2022.14.1.1

Elena A. Zdravomyslova *European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia*
E-mail: zdrav3@yandex.ru

Elena R. Yarskaya-Smirnova *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: eiarskaia@hse.ru

Elena L. Omelchenko *HSE University, St. Petersburg, Russia*
E-mail: eomelchenko@hse.ru

Ilya E. Shteynberg *National Research Nuclear University MEPHI, Moscow, Russia*
E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

The qualitative paradigm is at a new stage of development. That is the position of the well-known international journal FQS (Forum: Qualitative Social Research), which started the discussion “Quality of qualitative research”, where it raises topical issues of further development of the field as a kind of “Where is the qualitative paradigm going?”.

Taking up this initiative, our journal invited the experts to speak on the block of questions proposed by colleagues, but with reference to the Russian-speaking segment of the field.

Well-known leaders in this area — Elena Zdravomyslova, Elena Yarskaya-Smirnova, Elena Omelchenko, Ilya Steinberg — responded to the journal's proposal. Here we publish their answers to the questions discussed.

Keywords: qualitative methodology, quality criteria, research ethics, education system

References

- Aspers P., Corte U. (2019) What is Qualitative in Qualitative Research. *Qualitative Sociology*. No. 42. P. 139–160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11133-019-9413-7>
- Batygin G.S., Devyatko I.F. (1994) Mif o "kachestvennoj sociologii" [The Myth of "Qualitative Sociology"]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
- Burawoy M. (1997) Razvernutoe monograficheskoe issledovanie: mezhdru pozitivizmom i postmodernizmom [The Extended Case Method: Steering a Course between Positivism and Postmodernism]. *Rubezh (al'manah social'nyh issledovanij)* [Frontier (Almanac of Social Research)]. No. 10–11. P. 154–176. (In Russ.)
- Denzin N.K. (2008) The New Paradigm Dialogs and Qualitative Inquiry. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. Vol. 21. No. 4. P. 315–325. DOI: <https://doi.org/10.1080/09518390802136995>
- Hammersly M. (1992) Some Reflections on Ethnography and Validity. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. Vol. 5. No. 3. P. 195–203. DOI: <https://doi.org/10.1080/0951839920050301>
- Katz J. (2015) A Theory of Qualitative Methodology: The Social System of Analytic Fieldwork. *Méthod(e)s African Review of Social Sciences Methodology*. Vol. 1. No. 1–2. P. 131–146. DOI: <https://doi.org/10.1080/23754745.2015.1017282>
- O'Brien B. et al. (2014) Standards for Reporting Qualitative Research. *Academic Medicine*. Vol. 89. No. 9. P. 1245–1251. DOI: <https://doi.org/10.1097/acm.0000000000000388>
- Riessman C.K. (1993) *Narrative Analysis*. Newbury Park: SAGE.
- Stenfors T., Kajamaa A., Bennett D. (2020) How to... Assess the Quality of Qualitative Research. *The Clinical Teacher*. Vol. 17. No. 6. P. 596–599. DOI: <https://doi.org/10.1111/tct.13242>
- Tong A., Sainsbury P., Craig J. (2007) Consolidated Criteria for Reporting Qualitative Research (COREQ): A 32-item Checklist for Interviews and Focus Groups. *International Journal for Quality in Health Care*. Vol. 19. No. 6. P. 349–357. DOI: <https://doi.org/10.1093/intqhc/mzm042>
- Tracy S. (2010) Qualitative Quality: Eight 'Big-Tent' Criteria for Excellent Qualitative Research. *Qualitative Inquiry*. Vol. 16. No. 10. P. 837–851. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1077800410383121>
- Voronkov V.M. (2003) Etot bezumnyj, bezumnyj, bezumnyj kolichestvennyj mir [This Crazy, Crazy, Crazy Quantitative World]. *Neprikosnovennyj zapas* [Inviolable Reserve]. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/3/etot-bezumnyj-bezumnyj-bezumnyj-kolichestvennyj-mir.html> (accessed 25/02/2022). (In Russ.)
- Yin R. (1983) *Case Study Research: Design and Methods*. Beverly Hills: SAGE.

Author bio:

Elena A. Zdravomyslova — Candidate of Sociology, Professor, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** zdrav3@yandex.ru. **RSCI Author ID:** [250505](#); **ORCID ID:** [0000-0001-7867-0221](#).

Elena R. Yarskaya-Smirnova — Doctor of Sociology, Head of International Laboratory for Social Integration Research; Professor, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** eiarskaia@hse.ru. **RSCI Author ID:** [74308](#); **ORCID ID:** [0000-0002-3139-5215](#); **ResearcherID:** [I-5080-2015](#).

Elena L. Omelchenko — Doctor of Sociology, Director, Centre for Youth Studies; Professor, Department of Sociology, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** eomelchenko@hse.ru. **RSCI Author ID:** [74361](#); **ORCID ID:** [0000-0002-5951-3682](#); **ResearcherID:** [K-5885-2015](#).

Ilya E. Shteynberg — Candidate of Philosophy, Senior Researcher, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia; Head of School for a Qualitative Researcher, Scientific and Educational Center, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** ilya.shteynberg@gmail.com. **RSCI Author ID:** [123852](#); **ORCID ID:** [0000-0003-0230-9071](#).

Received: 15.01.2022

Accepted: 10.03.2022